

УДК 314.06(571.54)
DOI 10.18101/2306-753X-2015-4-32-40

© А. М. Иминохоев, © С. В. Кириченко

Изменения в составе и структуре занятости населения г. Верхнеудинска / Улан-Удэ (1920-1930-е гг.)

В статье исследуются последствия политических и экономических преобразований 1920-х – 1930-х гг., кардинально отразившихся на социальной структуре советского общества и приведших к изменениям численности и состава основных слоев населения города Верхнеудинска/Улан-Удэ. В этот период одной из важнейших задач государственной политики стала трансформация городской структуры и развитие города в качестве столицы национальной республики. Авторы прослеживают изменения основных элементов социальной структуры городского населения и тенденции к увеличению числа рабочих и служащих в период индустриального развития города и происходивших урбанизационных процессов. Общность политических и социально-экономических условий развития БМАССР и СССР в целом явилась основой того, что по главным показателям ситуация, сложившаяся в Верхнеудинске/Улан-Удэ в 1920-1930-е гг., совпадала с картиной, характеризующей городское население всей страны. При этом принадлежность к какому-либо классу, социальному слою или группе определяла особенности протекания демографических процессов как внутри каждой социальной группы, так и в обществе в целом. Это, в свою очередь, оказывало воздействие на структуру повседневной жизни населения в рассматриваемый период. Авторы опираются на данные Всесоюзных переписей населения 1920-1930-х гг., архивные и статистические материалы, позволяющие проследить динамику этих важнейших перемен.

Ключевые слова: город, трансформация, социальная структура, индустриализация, урбанизация, демографические процессы, переписи населения.

© A. Iminokhoyev, © S. Kirichenko

Changes in Composition and Employment Structure of Verkhneudinsk / Ulan-Ude Population (1920th-1930th)

In article are investigated consequences of political and economic transformations of the 1920th – the 1930th which are cardinally reflected on social structure of the Soviet society and led to changes in number and structure of the main segments of Verkhneudinsk/Ulan-Ude population. During this period one of the most important problem of the state policy was transformation of city structure and development of the city as the capital of the national republic. Authors trace changes of basic elements of social structure of urban population and tendencies for increasing number of workers and employees during industrial development of the city and urbanization processes. The similarity of political, social and economic conditions of development in the Buryat-Mongolian republic and the USSR in general was a basis that according to the main indicators of the situation in Verkhneudinsk/Ulan-Ude in the 1920th-1930th coincided with the picture characterizing urban population in a whole country. Thus belonging to any class, social layer or group was defined by features of demographic processes both in each social group, and in society in general. Thus, it exert impact on everyday's life structure of the population during the considered period. Authors use the data of All-Union

population censuses of the 1920th-1930th, archival and statistical materials allowing to trace dynamics of these major changes.

Keywords: city, transformation, social structure, industrialization, urbanization, demographic processes, population censuses.

Социальная структура городского населения г. Верхнеудинска / Улан-Удэ исследуется нами на основе данных о самостоятельном населении, или лиц, имевших самостоятельный источник средств существования (заработок, доход). В их числе иждивенцы государственных и общественных учреждений, безработные и военнослужащие. Несамостоятельные – лица, живущие на средства других. К этой категории были причислены дети до 10-летнего возраста [1, С. 46]. В 1923 г. 59,08% мужчин и 21,1% женщин г. Верхнеудинска относились к самостоятельному населению [4, С. 1]. При этом выделялись такие социальные категории горожан, как рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими, хозяева, использующие труд членов семей, хозяева-одиночки, безработные, деклассированные. В каждой из этих категорий, в свою очередь, выделены более мелкие группы по профессиям, положению в занятии, занимаемой социальной ступени в сфере общественного производства.

Сложность заключалась в том, что подобная конфигурация социально-профессионального состава препятствует выявлению четкой социально-классовой структуры городского населения, хотя данные позволяют провести систематизацию сведений по отношению к средствам производства, роли в общественной организации труда, способу получения дохода. Опираясь на них, попытаемся выделить основные элементы социальной структуры городского населения.

Доля рабочих в городском населении республики составляла 26% всего самостоятельного населения, в Верхнеудинске – 23,3%. В промышленности занятость составляла 32,38%, в строительстве – 4,28%. Наиболее развитой сферой производства являлся транспорт, в котором было занято 27,83% всех рабочих города, в железнодорожном транспорте – около 23,3%. Обращает на себя внимание невысокая вовлеченность женщин в производственные процессы. Так, доля женщин в составе рабочих составляет всего 19%. Понятно, что наибольшей доля женщин-рабочих была среди швейников – 75,5% [3, Л. 1-13; 4, С. 8]. Были и чисто мужские профессии – горнорабочие, металлисты, водники и т. д.

С изменением отношения власти к частному капиталу и свободной торговле в связи с введением НЭПа в городе появились так называемые «буржуазные элементы» – нэпманы. Доля этой социальной группы в составе самостоятельного населения Верхнеудинска равнялась 18,56%. К ним относились выделенные переписью 1923 г. «хозяева с наемными рабочими», которые представляли в большинстве случаев торговую и промышленную буржуазию

города; хозяева, работавшие только с членами семьи; владельцы мелких промышленных и кустарно-ремесленных учреждений, не прибегавшие к найму рабочей силы; хозяева – одиночки, к числу которых относились портные, сапожники, извозчики, парикмахеры, мелкие торговцы, часовщики и т.д.; «помогающие члены семьи» (ими признавались исключительно родственники всех степеней и приемыши, живущие совместно с хозяином, ведущие с ним хозяйство и не получающие за свою работу от домохозяина зарплаты в какой-либо форме); рантье, лица, жившие на доходы от мелкого домовладения и спекулятивной торговли [4, С. 9; 7, С. 42-50].

Исходя из этих данных, можно сделать вывод о складывании конфигурации, характерной для города, находящегося в районе с преобладанием аграрного и мелкотоварного типа хозяйств. Об этом говорит и факт существования довольно широкого слоя рантье и хозяев, работавших с членами семьи, связанных с сельскохозяйственным производством. К этому мы можем добавить данные о профессиональном составе населения республики, дающем возможность судить о степени проникновения частного капитала в производство.

*Табл. 1.
Профессиональный состав населения Бурят-Монгольской АССР
по данным на 1 октября 1924 г.*

Категории предприятий	рабочие	%	служащие	%	итого	%
Государственные	1820	72,3	3991	87,5	5811	82,1
Общественные	446	17,8	483	10,6	929	13,1
Частные	250	9,9	85	1,9	335	4,8
Всего	2516	100	4559	100	7075	100

Сост. по: ГАРБ Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 643. Л. 11.

Представленная таблица позволяет говорить о сосуществовании различных форм собственности при несомненном преобладании государственной. В то же время стоит отметить довольно прочные позиции частного капитала с долей занятости рабочих до 10% в первые годы НЭПа.

Значительную долю населения в 1920-е гг. составляли безработные. Смена общей трудовой повинности на свободный наем рабочей силы привел к сокращению числа работников на предприятиях. В годы НЭПа безработица стала характерной чертой городской повседневности. В 1923 г. в Верхнеудинске насчитывалось 1622 безработных, что составляло 18,08% всего самодельного населения и превосходило общероссийские показатели на 10,6%.

Табл. 2.
Служащие и лица свободных профессий в самодельном населении
Верхнеудинска в 1923 г.

Категория	Муж.	%	Жен.	%	Лиц обоих пола	%
Администрация и суд	206	3,22	10	0,44	216	2,49
Технический персонал	52	0,81	1	0,04	53	0,61
торгового и хозяйственного распре- деления Служащие	100	1,56	4	0,17	104	1,2
Учетно-конт. персонал	205	3,2	28	1,23	233	2,68
Делопроизводст. персонал	196	3,06	144	6,32	340	3,92
Медики и санитары	65	1,01	81	3,56	146	1,68
Культпросвет. персонал	79	1,23	91	4	170	1,96
Служащие по охране безопасности	209	3,26	4	0,18	213	2,45
Служащие народной связи	112	1,75	23	1,01	135	1,55
Прочие служащие	44	2,25	17	0,75	161	1,85
Итого по служащим	1368	21,35	403	17,70	1771	20,39
Техники, медики, педагоги	5	0,08	13	0,57	18	0,21
Художники, адвокаты	3	0,05	-	-	3	0,03
Служители культов	17	0,26	24	1,05	41	0,47
Итого по лицам свободных профес- сий	25	0,39	37	1,62	62	0,71

Сост. по: ГАРБ Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 1-13; Материалы по статистике Бурятии. Вып. 1. Верхнеудинск, 1926. – С. 8-9.

В городе была сосредоточена значительная часть служащих, составлявшая 20,39% самодельного населения. Доля служащих среди горожан была значительно ниже, чем в среднем по РСФСР, где этот показатель был равен 26,2%. Это во многом было связано со слабым развитием социальной сферы в Верхнеудинске и началом национально-культурного строительства. Специалисты в сфере контроля и управления были традиционно многочисленны. В то же время с общероссийскими показателями совпадала доля «лиц свободных профессий» (0,7%). К ним относились специалисты, имевшие частную практику, в их числе, врачи, педагоги, адвокаты, художники, а также священнослужители.

Еще одну категорию верхнеудинского населения составляли иждивенцы государственных и общественных учреждений – 8,36%. Для сравнения: по РСФСР этот показатель был немного выше – 9%. В этот социальный слой входили пенсионеры, учащиеся-стипендиаты, больные, инвалиды, учащиеся интернатов, заключенные.

Для анализа социальной структуры городского населения середины 1920-х гг. обратимся к таблице.

Табл. 3.
Социальный состав городского населения Верхнеудинска в 1926 г.

Социальная группа	Кол-во чел.	В % к итогу	В % к 1923 г.	% по Евр. Росии
Рабочие	2917	17,6	144	30,5
Служащие	4862	29,5	274,5	28,4
Лица свободных профессий	84	0,5	135	0,5
Хозяева с наемными рабочими	248	1,5	420	0,6
Хозяева, работающие только с членами семьи	1177	7,14	315	4,5
Хозяева-одиночки	1765	10,7	226	6,8
Помогающие члены семьи	1291	7,8	662	7,2
Безработные	1412	8,5	87	10,8
Прочие, в т.ч. не указавшие источника средств существования	2725	16,5	230	0,5
Все самодеятельное население	16481	100	189,7	100

Сост. по: Бурятия в цифрах: стат.-эконом. справочник. – Верхнеудинск, 1931. – С. 13; Материалы по статистике Бурятии. Вып. 3. – Верхнеудинск. 1929. – С. 50-56.

В середине 1920-х гг. наблюдалась тенденция к увеличению числа рабочих и служащих среди городского населения. Прирост числа рабочих в 1926 к 1923 г. составлял 144%, а служащих – 274,5%, при этом доля рабочих в общем составе самодеятельного населения города сократилась до 17,6%, а доля служащих стремительно выросла до 29,5%. В условиях НЭПа, характеризовавшейся «допущением» частного капитала в экономику страны, расширился слой предпринимателей-нэпманов. Хозяева с наемными рабочими, представлявшими самую активную предпринимательскую часть горожан Верхнеудинска, увеличили долевое участие в составе самодеятельного населения города до 1,5% в 1926 г. Показательно, что к 1926 г. все категории нэпманов значительно возросли как в абсолютных, так и в долевых параметрах. Это отчасти объясняется тем, что мероприятия НЭПа в регионе проходили со значительным опозданием. Поэтому данные 1923 г., которые служат основой для определения прироста в последующие годы в республике, были низкими. Несмотря на развитие частной инициативы, государство пристально следило за характером трудовых отношений на производстве. Об этом можно судить по Перечню полномочий инспектора охраны труда, должность которого была введена на территории республики постановлением Дальревкома от 26 декабря 1922 г.

В общем социальном составе городского населения Верхнеудинска наблюдался рост числа представителей лиц свободных профессий – на 135%. По мере возрастания благополучия и организации жизни на местах происходило пополнение данной социальной группы.

Эти цифры являются отражением общего подъема хозяйственной жизни советского города и улучшения социально-экономической ситуации в стране

на протяжении 1920-х гг., хотя сохранялись такие социальные аномалии, как беспризорность и безработица. Нищие и беспризорные в возрасте от 10 до 15 лет в целом по республике представляли группу общей численностью в 50 чел. [2, С. 378]. Сокращалась доля безработных. Так, в 1922 г. на 100 предложений приходилось 13,9 мест, в 1925 г. – 38,9. Судя по материалам Переписи 1926 г., показатели безработицы уменьшились как в абсолютном, так и в долевым количестве – с 1622 в 1923 г. до 1412 чел. в 1926 г., или с 18,08% до 8,5% к общему числу самодеятельного населения Верхнеудинска [4, С. 120-121].

Направление и темпы изменений в численности отдельных классов, социальных слоев и групп самодеятельного городского населения от 1920-х к 1930-м гг. были различны: для одних классов и социальных слоев характерным являлось увеличение численности, для других, наоборот, резкое сокращение. Об этом мы можем судить на основе данных следующей таблицы.

*Табл. 4.
Социальный состав самодеятельного населения
г. Верхнеудинска/ Улан-Удэ*

Социальные группы	1931	1934		В % к итогу	
		всего	В т.ч. бурят	1931	1934
Рабочие	8000	15851	1136	36,9	49,4
Служащие	6779	8963	1376	31,2	27,9
Кустари и ремесленники	2011	704	47	9,3	2,2
Прочие	4903	6557	1535	22,6	20,5
Всего самодеятельных	21693	32075	4094	100	100

Сост. по: Бурятия в цифрах: От V к VI республиканскому съезду Советов. 1931–1934. – Улан-Удэ, 1934. – С. 13-15.

К началу 1930-х гг. произошло резкое увеличение доли рабочих в общем составе горожан – с 17,6 % в 1926 г. до 49,4 % в 1934 г., что было связано со строительством ряда крупных предприятий в городе, продолжалось строительство паровозовагоноремонтного завода, мясохлагокомбината, стеклозавода. Значительно возросло количество рабочих из бурят: в 1934 г. в совокупном показателе рабочих города они составляли 14,2%, а по республике в 1935 г. удельный вес рабочих-бурят составил 16% к общему числу рабочих [6, С. 8].

В условиях перехода к политике форсированной индустриализации (1928-1932) в стране планировалось заложить экономический фундамент социализма, за годы второй пятилетки (1933-1937) – построить социалистическое общество, за годы третьей (1938-1942) – догнать развитые страны по

производству промышленной продукции на душу населения и начать «поступательный переход от социализма к коммунизму».

В связи с низкими стартовыми условиями БМАССР, индустриальное развитие края началось позднее, чем в центральной части страны. Для реализации намеченных планов необходимо было интенсивное развитие промышленности, а это требовало большого количества рабочих рук. В течение 1930-х гг. на фоне индустриализации происходит дальнейшее изменение социальной структуры городского населения. По причине относительно небольшой численности населения в городах республики стал ощущаться дефицит рабочих рук. Так, например, если к началу первой пятилетки на Верхнеудинской бирже труда числилось 1638 чел. [5, С. 37], в республике было 2200 безработных, то в 1931 г. в промышленности республики уже не хватало 5433 рабочих.

Профессиональный состав рабочих свидетельствует о значительных изменениях, произошедших в нем в связи с индустриализацией и преимущественным развитием промышленных предприятий. В 1930-е гг. индустриализация привела к развитию социально-профессиональных групп, связанных с крупным государственным механизированным производством, представленным в основном предприятиями ценовой промышленности. На них работало 19,8% трудящихся. Именно здесь была сосредоточена основная масса рабочих, имевших или получавших среднее образование. Происходил уверенный рост занятости во всех областях народного хозяйства. Исключением является строительство, где после пуска в строй основных промышленных предприятий, происходило кардинальное сокращение занятости, как в абсолютном, так и в долевым отношении. Традиционно высокий процент рабочих был в железнодорожном транспорте. Исходя из данных о профессиональном составе рабочих и служащих в 1935-1936 гг., мы можем утверждать, что структура занятости в республике и г. Улан-Удэ как центре индустриальных процессов соответствует направленности советского типа модернизации.

В ходе социально-экономических изменений, происходивших в стране в 1920-1930-е гг., г. Верхнеудинск/Улан-Удэ стал одним из промышленных центров с довольно высокими темпами урбанизации, в первую очередь, за счет механического прироста населения, характерной особенностью которого являлся активный приток сельских жителей и переселенцев из близлежащих городов.

За рассматриваемый период значительно изменилась социальная структура города. Отличительной ее чертой стало наличие классовых групп нового советского общества. В 1930-е гг. исчезает частнопредпринимательский слой, большая часть которого перешла в разряд кооперативных работников, удельный вес которых в составе трудящихся составил к 1936 г. 0,25%, другая часть

продолжала заниматься мелким кустарным промыслом и сельским хозяйством [3, Л. 6].

Произошел значительный рост численности рабочих. К концу 1930-х гг. они составляли большую часть горожан. Причем, если раньше рабочие были заняты в основном в транспортном хозяйстве и переработке продукции сельского хозяйства, мелкотоварном производстве, то в 1930-е гг. произошло смещение в сторону их занятости в фабрично-заводской промышленности. Среди служащих немного вырос слой людей, занимавшихся интеллектуальным трудом, хотя он продолжал оставаться невысоким к общему числу городского самодеятельного населения. Благодаря процессам индустриального развития, в городе было официально покончено с безработицей.

Общность политических и социально-экономических условий развития республики и СССР в целом явилась основой того, что по главным показателям ситуация, сложившаяся в Верхнеудинске/Улан-Удэ в 1920-1930-е гг., совпадала с картиной, характеризующей городское население всей страны. При этом принадлежность к какому-либо классу, социальному слою или группе определяла особенности протекания демографических процессов как внутри каждой социальной группы, так и в обществе в целом, что, в свою очередь, оказывало воздействие на структуру повседневной жизни населения в рассматриваемый период.

В результате социально-экономических преобразований в 1930-е гг. сложилась новая социальная структура: рабочий класс – 36,3%, класс кооперативного крестьянства – 42,4%, кооперированных кустарей – 1,4%, единоличники, некооперированные кустари составили 1,6%, интеллигенция – 7,3%, служащие-неспециалисты – 11%. Социально-экономическая политика привела к полному вытеснению частного сектора, подчинению промышленности и сельского хозяйства государственному планированию и управлению.

Литература и источники

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Бурят-Монгольская АССР. Отдельный оттиск табличной части. Т. XXIII. – М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1930. 412 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Сибирский край Бурят-Монгольская АССР. Т. XXIII. Отдел II. Занятия. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929.
3. ГАРБ. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 182. Л. 1-13.
4. Материалы по статистике Бурятии. Вып. 1. Население-труд. – Верхнеудинск, 1926. 138 с.
5. Митупов Б. М. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923-1937 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 143 с.
6. Отчет Правительства VI Съезду Советов Бурят-Монгольской АССР (Доклад председателя ЦИК СНК Бурят-Монгольской АССР тов. Доржиева о работе Правительства за период времени с V по VI Съезд Советов Республики). – Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1935. 71 с.
7. Всесоюзная городская перепись 1923 г. Т. XX. Ч. 1. Вып. 1. – М.: ЦСУ СССР, 1924.

Literatura i istochniki

1. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. Burjat-Mongol'skaja ASSR. Otdel'nyj ottisk tablinoj chasti. T. XXIII. M.: Izd-e CSU Sojuza SSR, 1930. 412 s.
2. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 g. Sibirskij kraj Burjat-Mongol'skaja ASSR. T. XXIII. Otdel II. Zanjatija. M.: Izdanie CSU Sojuza SSR, 1929.
3. GARB. F. R-196. Op. 1. D. 182. L. 1-13.
4. Materialy po statistike Burjatii. Vyp. 1. Naselenie-trud. – Verhneudinsk, 1926. 138 s.
5. Mitupov B.M. Razvitie promyshlennosti i formirovanie rabocheho klassa v Burjatskoj ASSR (1923-1937 gg.). Ulan-Ude: Burjat. kn. izd-vo, 1958. 143 s.
6. Otchet Pravitel'stva VI S'ezdu Sovetov Burjat-Mongol'skoj ASSR (Doklad predsedatelja CIK SNK Burjat-Mongol'skoj ASSR tov. Dorzhieva o rabote Pravitel'stva za period vremeni s V po VI S'ezd Sovetov Respubliki). Ulan-Ude: Bur.-Mong. gos. izd-vo, 1935. 71 s.
7. Vsesojuznaja gorodskaja perepis' 1923 g. T. XX. Ch. 1. Vyp. 1. M.: CSU SSSR, 1924.

Иминохоев Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и правовых дисциплин Политехнического института (филиала) ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова» в г. Мирном, e-mail: alexandrim@mail.ru

Кириченко Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: l-a-n-a@mail.ru

Iminokhoyev Alexander Mikhaylovich – Candidate of historical sciences, Associate professor of humanitarian, social, economic and legal disciplines of Polytechnical Institute (Branch) FGAOU VPO «Northeast Federal University by M.K. Ammosov» in Mirnyi. E-mail: alexandrim@mail.ru

Kirichenko Svetlana Viktorovna – Candidate of historical sciences, Senior research scholar of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: l-a-n-a@mail.ru